

П.Л.БЕЛКОВ

Метод трех мотивов и классификация волшебных сказок

В настоящей статье мы в общих чертах изучим вопрос о принципах классификации сказочных сюжетов. Отправной точкой для нас служит «Морфология сказки» В.Я.Проппа.

Как уже было отмечено в других работах¹, к числу недостатков модели Проппа следует отнести смешение вопроса о композиции волшебной сказки с вопросом о её генезисе, который формулируется им как задача поиска первобытного прототипа волшебной сказки, или *просказки*. На самом деле *просказка*, или первобытная сказка, не требует реконструкции по той простой причине, что она хорошо сохраняется («консервируется») в корпусе волшебных сказок. Достаточно немного «поскрестить» любую неполную сказку из афанасьевского сборника, чтобы под слоем волшебно-сказочной поэтики обнаружить первобытную сказку в чистом виде.

Однако на самом деле речь идет о смешении трех вопросов. Третий вопрос – это вопрос о классификации сказочного материала.

Рис.1.

Из диаграммы выше видно, что трудности возникают не из того, что каждый вопрос не рассматривается отдельно от других (это в принципе невоз-

¹ См., например, две предыдущие работы: Белков П.Л. **Что такое основной вид сказок, или Как отличить сюжет от варианта?** // *ethnomanuscripts.ru*; Белков П.Л. **Еще раз о понятии основного вида сказок как термине теории сказки В.Я.Проппа** // *ethnomanuscripts.ru*.

можно, поскольку круги находятся в отношении пересечения). Как раз наоборот, необходимо временно вывести из рассмотрения какой-то один из кругов, сосредоточившись на изучении системы взаимосвязей между двумя другими при условии, что нельзя исключить область явлений, обозначаемых термином «композиция». Данное условие вытекает из контекста работы Проппа, который, благодаря своей удивительной интуиции, исходил из следующего тезиса:

Как решение вопроса о генезисе, так и решения вопроса о классификации зависят от решения вопроса о композиции.

Как следствие, в центре внимания настоящей статьи оказываются взаимодействия между двумя областями исследований сказки – композиции и классификации с учетом выводов, полученных относительно генезиса сказки в других статьях (см. **прим.1 на стр.1**).

Начать можно с положения Проппа о существовании четырех типов (рядов) волшебных сказок: развитие через Б—П, развитие через З—Р, развитие через то и другое, развитие без Б—П и без З—Р [**Пропп 1969: 91**]. (В скобках отметим, что это противоречит его же тезису об однотипности, или едином для всех сказок стержне [**Там же: 26**]).

Данный вывод он подготавливает ссылкой на то, что «правильная классификация может производиться трояким образом: 1) по разновидностям одного признака (деревья лиственные и хвойные); 2) по отсутствию и наличности одного и того же признака (позвоночные и беспозвоночные); 3) по исключаяющим друг друга признакам (парнокопытные и грызуны среди млекопитающих)» [**Там же: 91**]. Представленная Проппом классификация рассматривается им как классификация «по исключаяющим друг друга признакам». Что это за классификация и из какого учебника логики она была взята Проппом, непонятно. Во всяком случае деление объема понятия волшебной сказки на четыре указанных разряда демонстрирует нарушение принципа единства деления, т.е. как раз то, в чем Пропп сам довольно часто обвинял своих оппонентов.

Единственный способ, при котором, в рамках классификации, предложенной Проппом, не будет нарушен принцип единства основания деления, – это оставить в качестве признака деления сказок форму, которую принимает «развитие» (действия), или срединная часть сказки, а именно: то, что помещается между началом и концом, завязкой и развязкой. Но тогда объем этого понятия делится на сказки, в которых развитие происходит либо через *бой – победу*, либо через *трудную задачу*, либо через *другие виды развития* однородные двум упомянутым. Соединение *боя* и *трудной задачи* нами исключается в соответствии с *правилом одного хода*. Пропп неявным образом задал это правило и сам же его не соблюдал: «Если мы внимательно рассмотрим те сказки, которые состоят из двух ходов, то мы увидим следующее: если один ход содержит бой, а другой трудную задачу, то бой всегда в первом ходу, а трудная задача во втором» [**Там же**].

Таким образом, каждый ход многоходовой сказки классифицируется как отдельная сказка. Встав на эту точку зрения, можно увидеть, что другие виды развития, однородные (в значении: топологически эквивалентные) *бою / змеборству* выделяются достаточно легко. Правда, для того, чтобы это увидеть, надо смотреть на его модель сквозь призму модели трех мотивов. Тогда, если решение героем *трудной задачи* считать разновидностью *боя – победы* (там, где она занимает срединное положение), то следует говорить не об особом *типе* сказок, но лишь о *подтипе* наряду со сказками с *боем – победой*.

Пропп не однажды неосознанно подходил к идее троичности сказки как законе, однако никак не использовал в своих построениях в этом качестве, поскольку такое членение тела сказки делало слишком заметным смещение стандартных элементов по вертикали, что противоречит его тезису о неизменной последовательности функций. «Так, – рассуждает Пропп, – сказка о Емеле-дураке начинается с того, что дурак ловит щуку, а вовсе не с вредительства и пр. При сравнении большего количества сказок обнаруживается, однако, что элементы, свойственные середине сказки, иногда выносятся к началу, и такой случай мы имеем здесь. Поимка и пощада животного — типичный срединный элемент...» [Там же: 37-38]. В сказке «Козьма Скоробогатый» (Аф.164) элемент убийства героем Змиулана, хозяина богатств, обманным путем присвоенных Козьмой, находится в конце сказки, в пространстве третьей мотивемы. Однако, несмотря на это, Пропп относит данный случай к числу реализаций (срединой) функции с определением п о б е д а [Там же: 50].

Дальнейшее деление уже не может идти по чисто структурным признакам, т. к. исключают друг друга только З—Р и Б—П, но ни одна из других функций. Следовательно, надо выбрать один такой элемент, который обязателен для всех сказок, и по его разновидностям и произвести деление. Таким обязательным элементом является только А (нанесение вреда) или а (недостача). По разновидностям этого элемента и можно вести дальнейшую классификацию. Таким образом, **в первую голову для каждого разряда пойдут сказки о похищении человека, затем о похищении талисмана и т. д. сквозь все разновидности элемента А. Затем пойдут сказки с а, т. е. сказки о поисках невесты, о поисках талисмана и т. д. Можно возразить: но ведь таким образом две сказки, дающие одинаковое начало, попадут в разные разряды в зависимости от того, есть ли в них, напр., трудная задача или нет? Да, это так и получится, но это не возражение против правильности нашей классификации. Сказки с Б—П и сказки с З—Р по существу сказки разной формации, раз эти признаки друг друга исключают [Пропп 1969: 92].**

Рис.2.

В этом месте Пропп, вероятно, чтобы свести концы с концами, начал просто выдумывать. Если сказки с одинаковым началом попадут в разные разряды в связи с различием формы середины, то это означает, что середина и есть тот

элемент, по которому следует производить деление. Приняв посылки, мы обязаны принять и заключение. Кроме того, в данном случае мы имеем дело с выводом по методу различия (см. элиминативную индукцию по Миллю).

Середина есть обязательный элемент сказки независимо от ее формы, будь то *бой*, *трудная задача* или что-то еще, вроде: «сказки о поисках невесты, о поисках талисмана и т. д». Действительно, если мы классифицировали сказку по срединному моменту как «сказку о поисках невесты», то в начале сказки должно произойти нечто такое, что делает актуальной задачу ее поиска. Иначе говоря, по срединному элементу нетрудно вычислить характер нанесения вреда. С другой стороны, по форме средней части сказочного повествования можно с достаточно большой долей вероятности предугадать и форму узнавания, а этот элемент (У) является для сказки столь же обязательным, как и вредительство (А). Через одну общую точку можно провести бесконечное число линий. Вероятно, эти линии, проведенные через одну точку, и являются вариантами сюжета, представляющего собой пучок линий, с учетом того, что это могут быть и ломаные линии.

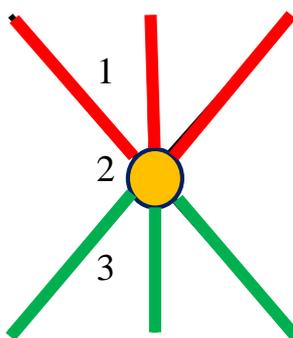

Рис.3.

Как можно видеть, классификацию сказок следует осуществить по видоизменению такого действительно не являющегося структурным признака, как форма срединного элемента, т.е. мотив. В терминах теории трех мотивов, это форма реализации центральной субмотивемы второй (срединной) большой мотивемы. В электронной рукописи статьи «Что такое основной вид сказок, или Как отличить сюжет от варианта?» (*ethnomanuscripts.ru*, стр. 3 -6) впервые было дано эмпирическое обоснование теоретического объекта *испытание (подвиг)* и приведены разновидности мотивов, попадающих в эту рубрику.

Кажется, Пропп напрасно опровергал сам себя, говоря о четырех типах волшебных сказок. Действительно, с точки зрения понятия трехмотивного строения, существует только один тип волшебных сказок. Не существует одноходовых волшебных сказок, «развитие» которых идет через *трудную задачу* и не существует двухходовых волшебных сказок, соединяющих развитие через *бой – победу* с развитием через *трудную задачу*.

В данный момент важно отметить, что Пропп, вводя понятие, точнее, термин, или номинальное определение «подтип» волшебных сказок в начале

книги, фактически, указал на сказки о поисках невесты, о поисках талисмана и т.п. упоминаемых им в конце книги [Там же: 26]. А это означает, что термин «подтип» Проппа соответствует общепринятому термину «сюжет» или термину «тип», по индексу Аарне. Следовательно, вновь вступая в противоречие с собственными постулатами, имея в виду его критику книги Р.М.Волкова) он говорит о классификации волшебных сказок по сюжетам и ни о чем другом.

Об ошибках Проппа я уже писал². Если попытаться все это обобщить, то главное его противоречие состоит в том, что его теория, точнее, то, что он сам считал в ней главным, отгораживало от него самого его же интуитивно верные положения. Слепо следуя некоторым своим догмам, он либо просто проходил мимо них, либо искажал до неузнаваемости. Так и в случае с классификацией волшебных сказок. Подойдя вплотную к идее классификации волшебных сказок по сюжетам, т.е. по видоизменению такого признака как форма срединного элемента – испытания, или подвига, – он не разглядел собственного открытия.

И, в первую очередь, это связано, с характером критики классификации Волкова. Верно, что Волковым никак не были оговорены правила выделения пятнадцати сюжетов. Но что мешало это сделать самому Проппу? Ведь он мог взять хотя бы по одной сказке на каждый сюжет и путем эксперимента (сравнения) выяснить, на что, пусть даже ошибочно, опирался Волков. Сами по себе названия сюжетов Волкова ничего не говорят о принципе деления, поскольку это лишь условные обозначения. Поэтому говорить об отсутствии единого основания в его классификации, как это делает Пропп, невозможно.

Тем более, что примеры Проппа, касающиеся деления волшебных сказок на подтипы совпадают с сюжетами Волкова. У Волкова – сюжет о добывании невест, у Проппа – сказки о поисках невесты. У Волкова – сюжет об обладателе талисмана, у Проппа – сказки о поисках талисмана. У Волкова – сюжет о змеборцах, у Проппа – сказки о похищении змеем царевны. У Волкова – сюжет о невинно гонимых, у Проппа – сюжет с изгнанием падчерицы (и ее возвращением с подарками, отсылкой родной дочери и ее наказанием).

Откуда возникает такое поразительное сходство? Оказывается, для того, чтобы это выяснить нет необходимости проводить «независимую экспертизу» текстов Волкова. Последний совершенно прямо пишет: «Самый сказочный рассказ обычно открывается особой завязкой. Завязка в сказке довольно однообразна и традиционна: целый ряд сказок, близких по теме, открывается одной и той же завязкой, так что всю сказочную завязку в целом можно свести к небольшому числу вариантов, соответствующих приблизительно числу сказочных сюжетов» [Волков 1924: 27 и далее].

Из перечисления видов завязок становится видно их совпадение с названиями выделенных Волковым сюжетов, правда, с той оговоркой, что завязкой он называет тот элемент сказочного повествования, который Пропп определяет с помощью понятия и с х о д н о й с и т у а ц и и : «Сказка обычно начинается с

² Белков П.Л. Как сложить сказку. Перечитывая «Морфологию сказки» В.Я.Проппа // *ethnomanuscripts.ru*

некоторой исходной ситуации. Перечисляются члены семьи, или будущий герой (напр., солдат) просто вводится путем приведения его имени или упоминания его положения» [Пропп 1969: 29].

В плане классификации сюжетов волшебных сказок по форме завязки Пропп гораздо последовательнее Волкова. Говоря о дальнейшем делении (после деления на четыре типа) сказок, Пропп склонен рассуждать следующим образом: «Следовательно, надо выбрать один такой элемент, который обязателен для всех сказок, и по его разновидностям и произвести деление. Таким обязательным элементом является только А (вредительство) или а (недостача). По разновидностям этого элемента и можно вести дальнейшую классификацию [Там же: 92]. А вредительством, по его же словам, завязка открывается, т.е. вредительство и есть завязка [Там же: 34].

В итоге, предлагаемый Проппом способ классификация сюжетов (вопреки его собственному заявлению о том, что это теоретически невозможно) при условии избавления от указанных выше противоречий сводится к двум пунктам. Первое. Общей основой сюжетов всех сказок выступает с р е д и н н ы й элемент, *бой – победа*, представленный образцовым мотивом змееборства. Второе. Деление объема понятия волшебная сказка делается по форме завязки с таким начальным элементом, как *вредительство* или *недостача*.

В данном случае ошибка Проппа заключается в том, что он не дал определения понятию срединного элемента. С этим связан скачок в делении к начальному элементу. *Делятся не сказки, делится объем понятия сказки.*

Чтобы исправить эту ошибку, следует ввести понятие *испытания* как инварианта срединного элемента, или свойства, сохраняющегося при любых трансформациях данной группы. Тем самым вставляется посредствующее звено между понятием волшебной сказки и понятием сказок с различной формой завязки. Отсюда, в частности, вытекает, что первичная классификация сказочных сюжетов должна производиться по видоизменению срединного элемента. Если потребуется дальнейшее деление, то оно должно производиться по видоизменению определяющего признака начального элемента, которым является форма вредительства. И, наконец, если и последнего будет недостаточно для каких-то исследовательских целей, третью возможную ступень деления можно создать делением сказок по видоизменению конечного элемента, т.е. *трудной задачи*, или центрального мотива развязки. (Волков и Пропп, опять-таки, интуитивно неверно определяют развязку, связывая с этим понятием самый хвостик волшебной сказки – «описание благополучия героя» и / или «наказания злых персонажей сказки».)

Итак, мы ввели понятия начального, срединного и конечного элементов, которые соответствуют центральным мотивам трех больших мотивов. *При сравнении теорий их необходимо описывать на одном языке, а это – язык логики и методологии науки.*

Здесь мы подходим к вопросу о *сюжетных схемах*. Так, максимально сжатая сюжетная схема сказки «Морозко» (Аф. 96) будет состоять из трех «коротких фраз»: 1. Мачеха выгоняет падчерицу на неминуемую гибель в зимний лес;

2. Падчерица выдерживает испытание смертельным холодом, которому ее подвергает Морозко и получает от него богатые подарки; 3. Мачеха посылает за подарками к Морозке родную дочь, но та не выдерживает испытания и погибает. Соединив эти фразы в одну, мы получим сюжетную линию.

Теперь составим для сравнения сюжетную схему сказки «Баба-яга» (Аф.102): 1. Отец увозит дочь, спасая её от преследований мачехи, в лес и отдает в услуженье бабе-яге; 2. Падчерица своим добрым отношением завоевывает расположение обитателей дома (мышек), которые помогают ей выполнить невыполнимую работу, что задала ей баба-яга, а та за хорошую службу награждает ее богатыми нарядами; 3. Мачеха велит отвезти к баба-яге свою дочь, но та грубо обращается с обитателями дома, поэтому не выполняет работу, и баба-яга убивает её.

Уже на двух этих примерах можно показать, что в классификации сказок форма испытания является достаточно твердым критерием разграничения сюжетов (см. **рис.3**). В данном случае мы имеем дело с двумя разными сюжетами. Вот, почему Больте и Поливка рассматривали сказки «Фрау Холле» и «Баба-яга» (Аф. 102) как сказки с одним сюжетом в отличие от сказки «Морозко» (см. [**Пропп 1969: 15**]). При этом следует особо подчеркнуть, что *испытание* (протагониста) присутствует в сказке только один раз и только в качестве среднего элемента. Ситуации, в которые попадает герой в пространстве первой и третьей большой мотивемы, даже если они внешне очень похожи на испытание, не подпадают под понятие *испытания как термина теории*.

Сказанное выше подтверждает, что есть только один тип (вид) волшебных сказок с испытанием в «центре» сказки. Этот тип делится на подтипы, или сюжеты, число которых, вероятно, не так уже велико. Выяснить, каково настоящее число сюжетов, можно эмпирически. Легче всего это сделать путем описания сказок из сборника А.Н.Афанасьева по методу трех мотивем, просто перебирая их одну за другой.

Здесь мы вновь ставим жирную запятую в нашем исследовании волшебной сказки. Внося коррективы в теорию Проппа или критикуя её, мы, фактически, правим самих себя, и наоборот. Это процесс бесконечный, но *не безнадёжный* (т.е. *не непарадигмальный*). Ведь, образно говоря, *наука – это функция в узком смысле, т.е. правило, по которому элементы теории сопоставляются элементам реальности с помощью доски, мела и мокрой тряпки*.

12 ноября 2019 г.

Волков Р.М. Сказка. Розыскания по сюжетосложению народной сказки. Том первый. [Одесса], 1924.

Пропп В.Я. Морфология сказки. М., 1969.